

Хиромаса шёл следом за Сэймэем. Миновав внешние покои, они неторопливо углубились во внутренние помещения дома и остановились у дверей личной комнаты хозяина.

Сэймэй привычным движением отодвинул лёгкую перегородку, приглашая гостя войти. Хиромаса переступил порог, чувствуя, как к щекам приливает жар, а сердце ускоряет свой бег.

В комнате царил безупречный порядок, ни единая пылинка не нарушала покой этого места. Перед низким ложем висело туалетное зеркало, скрытое полупрозрачным покрывалом из тонкого газа.

Ветер за окном едва дышал. Сэймэй замер у приоткрытой створки, позволяя лёгким порывам колыхать полы его белоснежного каригину.

Прикрыв створку, он повернулся и плавно опустился на циновку перед ложем, одарив Хиромасу мягкой, едва заметной улыбкой.

— Закрой дверь, Хиромаса, и присаживайся.

Хиромаса аккуратно задвинул сёдзи и опустился на татами рядом с Сэймэем. Мысли его путались, а в душе росло недоумение.

«Зачем он позвал меня в свою спальню? Что за дело у него ко мне?»

Он заворожённо огляделся.

«Так вот где спит Сэймэй... Всё вокруг такое простое, изысканное и чистое. Порой я всерьёз сомневаюсь, человек ли он вообще? Из этого ли он мира? Почему от него всегда веет чем-то неуловимым, непостижимым...»

Хиромаса так и застыл, глядя на друга и погружаясь в свои думы.

Сэймэй хранил молчание. Опустив взгляд, он неторопливо поднял руки и тонкими пальцами развязал шнуры-укэо, а затем расстегнул застёжки-томбо своего одеяния. Ткань соскользнула, приоткрывая его бледную шею.

Хиромаса опешил и уставился на него в упор.

— Сэймэй... ты... что ты делаешь?

Вместо ответа хозяин дома лишь слегка повёл ладонью, безмолвно призывая к тишине. Полностью распустив шнуры каригину, он так и не поднял глаз — лишь плавно развернулся,

подставляя Хиромасе спину.

Наблюдая за его безупречно грациозными движениями, Хиромаса замер, не в силах отвести взор. Разум его туманился, а сердце сладко ныло.

«Сэймэй... Я совершенно не понимаю, что ты творишь. Неужели... неужели тебе ведомо, какие чувства я к тебе питаю? Да, в наши времена дружба между мужчинами порой перерастает в нечто большее, и даже при дворе знатные господа держат при себе юных любимцев. Но если всё так... Сэймэй, что мне делать? А если нет... Ты ведь прекрасно знаешь, что я человек простой и бесхитростный, не умею читать между строк. Зачем же ты даришь мне эту зыбкую надежду? Сэймэй...»

Взгляд Хиромасы затуманился, мысли уносили его всё дальше в пучину нерешительности.

Вдруг с мягким шорохом плотная шёлковая ткань каригину скользнула вниз, опадая на пол. Перед взором Хиромасы предстала обнажённая спина друга — бледная, точно точёный нефрит.

«Боги, до чего же он красив... Кожа чистая, матовая, словно драгоценный фарфор. Капля пота медленно чертит дорожку по шее, напоминая утреннюю росу на молодом листе, и оставляет за собой едва уловимый, дразнящий аромат.»

Эта картина окончательно лишила Хиромасу самообладания.

— Сэймэй... — едва слышно сорвалось с его губ.

Он невольно протянул руку, желая коснуться этой безупречной, прохладной кожи. Кончики его пальцев едва прикоснулись к лопатке Сэймэя, как вдруг...

— Хиромаса! — негромко, но властно окликнул его Сэймэй.

Этот тихий голос прозвучал для Хиромасы подобно грому среди ясного неба, мгновенно вернув ему рассудок. Он испуганно отдернул руку. Осознание того, что он только что пытался сделать, заставило его густо покраснеть от стыда до самых кончиков ушей.

— Ну что, видишь что-нибудь у меня на спине? — спросил Сэймэй.

— Нет, — буркнул Хиромаса, поспешно уткнувшись взглядом в циновку.

— Хиромаса, если ты будешь так разглядывать пол, ты точно ничего не увидишь, — с тихим смешком проговорил Сэймэй, не оборачиваясь. — К тому же я не девица, а ты не юнец. Мы оба мужчины, неужели тебе неловко?

— Вовсе нет! — поспешно воскликнул Хиромаса, пытаясь оправдаться. — С чего бы мне смущаться? На твоей спине действительно ничего нет!

Он упрямо вскинул голову, хотя лицо его полыхало ещё ярче прежнего.

Сэймэй тихо рассмеялся. Его голос звучал мягко и вкрадчиво:

— Тогда гляди внимательнее, Хиромаса. Не упusti ни единой детали.

Хиромаса послушно уставился на его спину, боясь даже моргнуть.

Сэймэй едва заметно шевельнул губами, шепча тайные слова призыва:

— Проявление печати оков, явись!

С последним словом заклятия на бледной коже его спины медленно, словно сквозь туман, начал проступать белёсый рисунок.

Узор становился всё чётче. Теперь в нём угадывались очертания белого кошачьего силуэта, замахнувшегося левой лапой с выпущенными когтями, которые тянулись вдоль лопатки, уходя всё дальше в сторону...

Хиромаса потрясённо выдохнул:

— Сэймэй! Это... это что такое?!

Сэймэй не стал отвечать сразу. Он неторопливо набросил на плечи белоснежное каригину и тонкими, изящными пальцами принялся завязывать шнуры-укэо и крепить застёжки-томбо.

Закончив с одеждой, он плавно развернулся и с улыбкой посмотрел на Хиромасу.

— Ну что, Хиромаса, теперь ты видел?

— Да! Но Сэймэй, во имя богов, что это за знак?

— Это Печать Бога Кошек.

— И что она означает? Откуда она взялась?

— Я и сам не знаю до конца. Должно быть, это разновидность проклятия. Особое заклятие, связывающее судьбы.

— Но почему ты не избавишься от неё? — недоумевал Хиромаса. — Ты же лучший онмёдзи во всём Хэйан-кё!

Сэймэй покачал головой и снисходительно улыбнулся:

— Это печать самого Бога Кошек. Её невозможно снять силами смертного. Только сам Бог Кошек властен разрушить эти оковы.

— И что же, тебе придётся всю жизнь ходить с этой жуткой отметиной? — проворчал Хиромаса, беспокойно заерзав на циновке.

— Не обязательно, — отозвался Сэймэй. — Но для этого нужно отыскать второго носителя. Если найти того, кто отмечен ответным знаком, способ избавиться от оков непременно отыщется.

— Второго? Значит, их несколько? Но на ком может быть эта печать? И где искать этого человека?

— Печатей Бога Кошек всего две. И вторая оставлена на теле кошачьего духа.

— Кошачьего духа?

— Именно. Тот, кто носит второй знак, и есть кошачий дух.

Хиромаса озадаченно почесал затылок, силясь переварить услышанное.

Сэймэй поднялся на ноги и дружески похлопал его по плечу:

— Идём на веранду. Мицумуси наверняка уже приготовила вино и фрукты. Посидим под луной, выпьем и поговорим без спешки.

Только сейчас Хиромаса осознал, насколько неуместно было засиживаться в чужой спальне, и смущённо улыбнулся:

— Да, пожалуй... От чарки хорошего вина я бы сейчас не отказался.

Они устроились на веранде. Сэймэй прислонился спиной к деревянному столбу, задумчиво разглядывая заросший сад. Хиромаса сидел рядом, прихлёбывая вино из пиалы.

— То, что ты видел, Хиромаса, — это действительно Печать Бога Кошек. Давным-давно, когда глава клана Снежных лисиц Хакубо Дзёсин и глава Обители кошачьих духов Синбо Тайань решили скрепить дружбу брачным союзом своих детей, они испугались, что грядущие поколения забудут об этой клятве. Тогда они решили призвать в свидетели Бога Кошек. Синбо Тайань попросил божество наложить нерушимые узы на ещё не рождённых младенцев в утробах их жён. Бог Кошек внял их молитвам: он обратил двух духов-хранителей со Скипетра Бога Кошек в две печати и запечатлел детей во чреве матерей. С тех пор, как бы ни менялся мир и какие бы расстояния ни разделяли этих двоих, сила печати неизбежно должна была свести их судьбы воедино, чтобы они узнали друг друга.

— Получается, эта печать изначально была на твоей матери? — уточнил Хиромаса.

— Да, — кивнул Сэймэй. — К несчастью, судьба распорядилась иначе. Обе стороны родили дочерей. Сыграть свадьбу между двумя девицами было невозможно, и печать осталась нерушимой.

— Но почему тогда она оказалась на тебе, Сэймэй?

Сэймэй сделал медленный глоток вина и посмотрел на Хиромасу:

— Глава клана Снежных лисиц Хакубо Дзёсин посчитал, что остался в неоплатном долгу перед Обителью кошачьих духов. Он вознёс молитву Великому Лису с просьбой передавать эту печать из поколения в поколение, пока предначертанный союз наконец не свершится. Узы перешли к их потомкам. Я уже родился с этим клеймом на спине.

— Выходит, если нынешний кошачий дух окажется мужчиной, вы снова не сможете сочетаться браком, и проклятие опять перейдёт к твоим детям?

— Всё верно. В последнее время печать на моей спине часто горит и проступает сама собой. Именно так я понял, что кошачий дух объявился здесь, в Хэйан-кё.

— До чего же жутко... — покачал головой Хиромаса. — Сэймэй, неужели тебе не больно носить на себе эту чужую волю?

— Боли я не чувствую, — спокойно ответил Сэймэй. — Но порой мне кажется, будто меня ведут на заклание, как жертвенного агнца. Полагаю, когда этот кошачий дух окажется совсем близко, моё сердце сразу это почувствует. Но я терпеть не могу оковы и уж точно не намерен плясать под дудку древнего божества или связывать жизнь с тем, кого мне навязала судьба. Я сниму эту печать во что бы то ни стало.

— Что ж, Сэймэй... Чем я могу тебе помочь? — Хиромаса решительно осушил свою чарку.

— Мне нужно, чтобы ты отыскал вторую печать.

— Но как? Где мне её искать?

Сэймэй хитро прищурился и неторопливо поднёс пиалу к губам, делая глоток.

— Тот мужчина... — он намеренно не назвал Императора Мураками по имени, — поручил тебе охранять покой чудесной принцессы Мёки, прибывшей из Великой Тан. Я хочу, чтобы ты улучил момент и проверил, нет ли на её теле точно такой же печати. Только лапа кошачьего силуэта на ней должна быть обращена в противоположную сторону.

Хиромаса онемел, а в следующий миг краска стыда мгновенно залила его лицо до самых корней волос. Он подскочил на месте и потрясённо выпалил:

— Что?! Сэймэй, ты с ума сошёл?! Как ты вообще мог помыслить о таком непотребстве?! Подглядывать за принцессой?! Ни за что на свете! Это... это исключено!

Сэймэй окинул его насмешливым взглядом из-под полуприкрытых век и тонко улыбнулся:

— Вот как? Значит, не согласен? Неужто наш целомудренный Хиромаса, краснеющий даже от вида моей спины, боится лишиться чувств от восторга при виде обнажённого тела прекрасной принцессы?

Хиромаса лишь хватал ртом воздух, не в силах подобрать слова для ответа. Сэймэй прикрыл лицо веером-летучей мышью и весело, звонко расхохотался. Хиромаса насупился, бросая на него обиженные взгляды.

«Ну что за невыносимый человек! Как он может толкать меня на столь постыдное дело? До чего же неловко... Да и я хорош! Сэймэй ведь тоже мужчина, так отчего же моё сердце колотится как сумасшедшее, а лицо так пылает? Вот, пожалуйста, теперь он надо мной потешается! Глядя на его довольную, плутовскую физиономию, так и подмывает подойти и укусить его за плечо. Вечно он разыгрывает меня!»

Он сердился на собственную слабость, но глаз от Сэймэя отвести не мог. Тот, заметив его замешательство, снова негромко рассмеялся.

— О чём это ты так усердно размышляешь, Хиромаса? — прищурился Сэймэй. — Помнится, ты клялся оберегать меня от любых невзгод. А стоило попросить о пустяке, как ты сразу пошёл на попятную. Выходит, твоим словам грош цена?

Хиромаса вспыхнул от задетого самолюбия и, подавшись вперёд, горячо заверил:

— Вовсе нет! Я не такой! Я непременно защищу тебя, Сэймэй!

Сэймэй медленно приподнял бровь, и в его глазах блеснул лукавый огонёк.

— Вот и славно. Тогда я полностью полагаюсь на тебя. Возьми этот амулет. Тебе нужно лишь улучшить момент и прикрепить его к спине принцессы Мёки. Если на ней есть вторая печать, этот знак под действием заклятия проявится сам собой.

Сэймэй извлёк из широкого рукава амулет с пятиконечной звездой и протянул его другу.

Хиромаса бережно принял амулет и спрятал его за пазуху.

— Уже поздно, Сэймэй. Я отправляюсь во временный дворец. Жди меня с добрыми вестями!

Он решительно поднялся и вихрем вылетел со двора. Сэймэй лишь покачал головой, провожая его взглядом, и тихо рассмеялся.

Мицумуси, наблюдавшая за поспешным бегством гостя, удивлённо захлопала глазами:

— Господин, отчего господин Хиромаса так внезапно умчался?

— Кто его знает, — лениво отозвался он. — Кстати, Мицумуси, мне тоже нужно ненадолго отлучиться. Побудь пока дома.

Служанка послушно склонила голову, но про себя подумала:

«Что вообще сейчас произошло между господином и господином Хиромасой? Ничего не понимаю... Станные они сегодня».

Небосвод окончательно окрасился в глубокие ночные тона, и на востоке заиграл тонкий серп молодой луны.

Хиромаса стоял перед воротами временного дворца принцессы Мёки. Ноги его словно налились свинцом, а в груди боролись противоречивые чувства.

— Господин Тюдзё! Вы так поздно и всё ещё на службе? — окликнул его один из дозорных

гвардейцев. Это были люди из его собственной гвардии.

— А, это вы... — Хиромаса поспешно напустил на себя важный, начальственный вид. — Я решил лично проверить охрану. Безопасность принцессы Мёки из Великой Тан — дело государственной важности! Государь доверил эту почётную миссию нашей правой гвардии Уэмонфу, и мы не имеем права на оплошность. Будьте предельно бдительны!

Пока он чеканил эти строгие наставления, в его голове роились совсем иные думы.

«Ну и удружил же мне Сэймэй! Втянул в такую постыдную авантюру... А я хорош, взял и согласился! Его Величество выказал мне безграничное доверие, поручив правой гвардии охранять принцессу Мёки. И как теперь я, командир, буду смотреть в глаза своим подчинённым, если собираюсь использовать служебное положение, чтобы подглядывать за знатной гостьей? Это же просто неслыханно...»

— Так точно, господин Тюдзё! Будьте покойны, мы не подведём! Каждый, кто приближается к дворцу, будет проверен самым тщательным образом! — в один голос отрапортовали воины.

— Вот и славно, — рассеянно пробормотал Хиромаса, краем уха слушая их заверения и в сотый раз проклиная про себя Сэймэя.

Пока он предавался укорам совести, к нему лёгкой походкой приблизилась служанка в зелёном платье, сшитом по моде Великой Тан.

— Вы ведь господин Уэ-но-Тюдзё, Минамото-но Хиромаса? — нежным голосом спросила она, приветливо улыбаясь. У неё было миловидное лицо и ясные глаза. — Наша госпожа, принцесса Мёки, просит вас войти.

— Да, это я, — Хиромаса простодушно улыбнулся и, отбросив сомнения, последовал за служанкой во внутренние покои дворца.

В главном зале на возвышении восседала принцесса Мёки. Роскошное одеяние Великой Тан подчёркивало её царственную осанку и утончённую красоту.

Хиромаса из приличия не смел поднять глаз и вежливо замер поодаль.

Принцесса одарила его тёплой улыбкой. Её голос тёк плавно и мягко:

— Ваш государь проявил величайшее гостеприимство, предоставив мне столь великолепные покои. По правде говоря, я прибыла в ваши края лишь для того, чтобы навестить родню да развеять тоску. Но мой венценосный брат так беспокоился, что настоял на отправке целого посольства, заставив вашу страну возводить этот огромный дворец. Да и вам, господин Хиромаса, приходится лично охранять мой покой. Мне неловко утруждать вас. Пожалуйста, не

стойте, присаживайтесь.

— Премного благодарен, ваше высочество. Охранять вашу безопасность — мой прямой долг! — Хиромаса почтительно поклонился.

Служанка поднесла ему мягкую подушку для сидения, и он аккуратно устроился на ней.

— Как всё же разнятся обычаи наших стран, — с улыбкой заметила Мёки. — У нас в Великой Тан принято восседать на высоких стульях, а здесь почтенные господа предпочитают отдыхать прямо на полу.

— Ха-ха, и то верно... — простодушно почесал затылок Хиромаса.

Служанка в зелёном, глядя на его обезоруживающую искренность, не сдержалась и прыснула в кулак. Принцесса строго зыркнула на неё, и девушка тут же испуганно опустила голову, пряча улыбку.

— Я давно наслышана, что игра господина Хиромасы на флейте не знает равных во всём Хэйан-кё, — негромко произнесла принцесса. — Не окажете ли вы мне честь исполнить хотя бы один напев?

Хиромаса с готовностью кивнул и извлёк из-за пояса свою верную флейту Хифута.

— Если ваше высочество не побрезгует моим скромным умением, я с радостью сыграю для вас.

Мёки благосклонно кивнула, грациозным жестом разрешая начать.

Хиромаса прижал Хифуту к губам. По залу разлилась чистая, чарующая мелодия — её светлые, торжественные переливы таили в себе едва заметную, щемящую грусть.

Принцесса прикрыла глаза, полностью отдаваясь музыке. Было видно, что её утончённая душа отзывается на каждый звук флейты.

Воспользовавшись моментом, Хиромаса осторожно поднял взгляд и принялся рассматривать гостью.

«Чудесная принцесса Мёки воистину затмевает своей красотой земных дев... Трудно вообразить, какой мужчина достоин быть с ней рядом. К тому же она столь сильна в чародействе... Во всём Хэйан-кё с ней мог бы сравниться разве что Сэймэй... Стоп, Сэймэй?! О нет, это уж точно ни в какие ворота не лезет!»

От этой мысли его сердце испуганно сжалось, и он едва не сбился с ритма.

Мёки внезапно распахнула глаза и мягко взглянула на музыканта.

— Господин Хиромаса, вы словно потеряли нить мелодии. Ваше сердце вдруг забилось неровно, и это отразилось в песне. Вас тревожит какая-то мысль?

— Нет-нет... вовсе нет! — поспешно соврал он. — Я лишь немного разволновался в вашем присутствии.

А про себя с тревогой подумал:

«Она точь-в-точь как Сэймэй! Будто насквозь видит мои помыслы. До чего же жутко... Неужто она и впрямь тот самый кошачий дух? Что ж, раз так, я обязан довести дело до конца. Ради Сэймэя я должен решиться на этот шаг!»

Мёки плавно поднялась со своего места, и служанка тут же бережно подхватила её под локоть.

— Дивная музыка, — нежно промолвила принцесса. — Но на сегодня, пожалуй, довольно. Благодарю вас за труды, господин Хиромаса. Я чувствую некоторую усталость и хотела бы отойти ко сну. Спокойствие этого дворца я целиком доверяю вашей доблести.

Принцесса благосклонно склонила голову и в сопровождении служанки неспешно удалилась в свои покои.

— Можете не сомневаться, ваше высочество! Я костями лягу, но сберегу ваш сон! — горячо воскликнул Хиромаса.

Хиромаса остался один. Душа его разрывалась от противоречий.

«Принцесса столь благородна, умна и учтива... Как же мне поступить? Каким образом подобраться к ней и проверить, есть ли у неё на спине этот злосчастный знак?»

Сэймэй, тайно следовавший за другом, тоже оказался у ворот временного дворца чудесной принцессы Мёки.

У входа бдительно дежурили гвардейцы правой стражи, дотошно опрашивая и досматривая каждого, кто пытался пройти внутрь. Сэймэй замер в тени деревьев, раздумывая, как ему поступить.

«Проникнуть внутрь с помощью заклятия Сокрытия Взора и Плоти проще простого. Но эта принцесса Мёки — крепкий орешек, она искушена в истинных таинствах Великого Дао. Обнаружит моё присутствие — позора потом не оберёшься. С другой стороны, оставить всё как есть тоже нельзя. Кто знает, что там натворит этот недотёпа Хиромаса? Стоит ему завидеть красавицу, как он тут же принимается усердно дуть в свою флейту. Это всё, на что он способен! Как бы беды не вышло...»

Пока он взвешивал все за и против, его взгляд упал на группу людей, направлявшихся ко входу во дворец. В глазах онмёдзи вспыхнул озорной огонёк.

Сэймэй тонко улыбнулся и с сухим щелчком захлопнул веер-летучую мышь. План созрел мгновенно.

И показалось, будто лунный свет в этот миг стал чуточку ярче.

<http://bllate.org/book/20464/2122942>